

«УТРОМ ОТКРЫВАЮ ГЛАЗА, ДУМАЮ: «БОЖЕ, КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ?»

В петербургском Большом драматическом театре имени Товстоногова состоялся сбор труппы, на котором Темура Нодаровича Чхеидзе тайным голосованием избрали на пост главного режиссера. Первое интервью после назначения ТЕМУР ЧХЕИДЗЕ дал корреспонденту «Известий» АРТУРУ СОЛОМОНОВУ.

— Как прошло собрание труппы, на котором вас выбрали на пост главного режиссера?

— Было тайное голосование, на котором я настоял. Мне было важно, какая часть труппы проголосует за меня. Если за тебя проголосует пятьдесят один процент, то какой смысл становиться главрежем, когда половина театра против тебя? Но поскольку картина была иная, я согласился. Естественно, было приятно, что мне доверяют. Хотя тут есть один нюанс: они мне доверяют как режиссеру, но ведь пока не знают, каким я буду руководителем. И я сам не знаю. Посмотрим. Это одному Богу известно.

— Как-то вы безрадостно об этом говорите.

— А чего радоваться-то заранее? Все будет сложно и для меня, и для театра.

— Новый руководитель, как правило, приводит свою команду.

— Я в основном оставлю команду, которая сейчас есть в театре. Ведь я в нем работаю тринадцать лет. Так что никаких особых революционных изменений не будет. Я в новой должности, но не в новом театре.

— Вы понимаете, что сейчас вас будут обвинять в существовании проблем БДТ, которые назрели не сегодня и даже не вчера?

— Да, конечно, понимаю. Но вместе с тем мне кажется, невооруженным глазом должно быть видно, что изменился не только театр, но и я. Тринадцать лет назад я ставил «Коварство и любовь» в совсем ином ключе, чем, скажем, мой последний спектакль «Копенгаген». Это иная проблема. Так что даже такой консерватор, как я, изменился. Все само меняется, эволюционным путем. Нельзя с понедельника начать ставить «авангардно», а во вторник отыскать новый театральный язык. Театр неизбежно будет меняться. Хотя бы потому, что другое поколение приходит.

— Будете приглашать молодых?

— Само собой. В этом году мы возьмем шесть или семь молодых артистов, которые нам понравились. У Григория Дитятковско-

го есть своя студия при БДТ, и он там воспитывает молодых актеров. Они уже на втором курсе, их приход в театр не за горами.

Главное — не доводить дело до глобальной проблемы омолаживания. Это как в семье — всегда должны появляться дети. Но это, конечно, не повод избавляться от старших членов семьи (*смеется*). Вот давайте устроим детский сад! Чем естественней это происходит, тем лучше для театра. Вы знаете, настолько правильно изнутри, организационно выстроен театр БДТ Георгием Товстоноговым, что потерять это было бы глупо. А эстетика, естественно, должна меняться.

— Ваша мать, грузинская актриса Медея Чахава, была ученицей Товстоногова, и ваш учитель, Михаил Туманишвили, тоже был его учеником. А сейчас вы становитесь главным режиссером в театре, где он проработал всю жизнь, в труппе, костяк которой собрал он.

— Видите, что такое жизнь? Никогда бы не мог подумать, что случится такое.

— Вам удалось поработать со своей матерью как режиссеру?

— Да, мы сделали с ней три спектакля. Все годы, с молодых лет, она была ведущей актрисой. Мне неудобно говорить об этом, но она была актрисой блистательной.

— На время репетиций вам приходилось забывать о родственных отношениях?

— Что-то, а уж это я умею.

— Не боитесь, что теперь отношения с вашими друзьями — актерами из БДТ переменятся?

— Я очень хочу надеяться, что отношение актеров БДТ ко мне не изменится потому, что я стал главным режиссером. Только в надежде на это я согласился.

— Как будут разграничиваться ваши функции с художественным руководителем театра Кириллом Лавровым?

— Они не будут разграничиваться. Так и было до сих пор. Я счастливы, что наряду со всеми другими очень важными и нужными качествами, которыми обладает Лавров, он сверхколлегиален. С ним очень легко. Мы вместе всегда все обсудили, так и будет впредь. И то, что Кирилл Юрьевич должен остаться на посту худрука, было моим главным условием и, если хотите, ультиматумом. Иначе я бы не согласился даже баллотироваться на пост. Потому что я убежден, что его

опыт и авторитет необходимы театру. Но я его понимаю. Может порой надоесть должность руководителя. Вот я почти двенадцать лет руководил Театром имени Марджанишвили. И мне так трудно свыкнуться с мыслью, что я опять руковожу!

— Потому что профессиональные судьбы людей зависят от вас, неизбежны конфликты и обиды, тяжесть ответственности?

— Хотя бы поэтому.

— Но ведь режиссер уже делает больно большей части труппы, когда просто объявляет распределение ролей.

— Да, в самой профессии это заложено. Сколькоким людям мы делаем больно, просто кому-то давая работу, кому-то нет.

— Например, Алиса Фрейдлих, Олег Басилашвили получают в следующем сезоне новые роли?

— Пока не знаю. Пофамильно говорить не стану. Георгий Товстоногов, смею вас заверить, сначала строил репертуар, а только потом думал о распределении ролей. А не наоборот: давайте поставим спектакль на этого актера или актрису. И по большому счету это верно.

— Каких режиссеров думаете приглашать? Например, молодых московских режиссеров, которые все больше в моде?

— Я не буду руководствоваться соображениями географии — московских приглашу, а пермских — нет. Первый год мы должны ограничиться собственными силами. Нас там четверо, неужели сезон не осилим?

— Не пересматривали фильм «Твой сын, Земля», где вы исполнили роль секретаря райкома Георгия Торели? После этого фильма к вам пришла всесоюзная слава как к актеру. Там как раз вы воплотили тип идеального начальника — справедливого, сильного, честного.

— Я вообще не люблю смотреть на собственное изображение. Это не кокетство. Наверное, потому что когда я не вижу себя со стороны, я могу придерживаться лучшего представления о себе (*смеется*). А по поводу успеха этого фильма... Дело не в системе, не в том, что мой герой был секретарь райкома. Наверное, у людей была жажда иметь такого руководителя, потому что всегда во главе чего бы то ни было хочется иметь порядочно-го человека. Вот и все.

— Вам ведь приходили письма как Георгию Торели — с самыми разными просьбами..

— Огромное количество! У меня просили квартиры, просили подключить телефон, вмешаться в судебные разбирательства. И не только из Грузии. Мне порой казалось, что они действительно верят, что я Георгий Торели. И знаете, мне ведь приходилось помогать, писать в какие-то инстанции..

— А подписывались как?

— (*Смеется*.) Ну подписывался, естественно, своей фамилией. Но кое-что я делал. Кто-то мне писал, что наконец ему дали квартиру, благодарил меня, кому-то подключили телефон. Но вместе с тем адрес они писали четко: Театр Марджанишвили, Георгию Торели. Такой вот парадокс.

— В Большом театре будете ставить оперу Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда»?

— Конечно, буду. Мне безумно интересна эта опера.

— Мне кажется, в оперном спектакле у режиссера гораздо меньше свободы, чем в драматическом. Хотя бы потому, что основные интонации подсказаны музыкой. И к тому же — «из песни слова не выкинешь», а из монолога можно.

— Да. В драме интонация зависит от меня. В опере она уже заложена композитором. И моя задача — суметь подвести актера к этой интонации. Ноту он может брать и без моей помощи. А подвести к этой ноте — моя задача.

— Мне редко приходилось видеть оперных певцов, по-настоящему артистически одаренных.

— Ой, не пугайте! А мне доводилось, и многих.

— Если вернуться к основной теме, не жалеете порой, что согласились на этот пост? Вы ведь не случайно больше десяти лет от него отказывались.

— Утром открываю глаза, думаю: «Боже, как это случилось?» А потом — кофе, сигарета, душ и думаешь: ну ладно, поглядим. Конечно, я часто задаю себе вопрос, правильно ли я поступил. Через два года посмотрим, что будет. Через год рано, а через три — поздно. Через три года на этот вопрос ответят уже другие (*смеется*). Поэтому я заключил договор только на два года.

